

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**«Мерцательная» стратегия и «новая искренность» в поэзии
Дмитрия Александровича Пригова**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 2 курса 251 группы

направления подготовки 45.04.01 Филология

Института филологии и журналистики

Каффарова Вадима Арифовича

Научный руководитель

профессор, д.ф.н., доцент _____ И. Ю. Иванюшина

Зав. кафедрой

зав. кафедрой, к.ф.н., доцент _____ Ю. Н. Борисов

Саратов 2024

ВВЕДЕНИЕ

Категория «новой искренности» возникает в литературно-культурологической среде на рубеже XX–XXI веков в результате осознания исчерпаемости, возрастающей анахроничности тенденций и идей постмодернизма и связанных с ним художественно-эстетических течений. Одним из первых с большим опережением о ней заявил Д. А. Пригов, ещё в 1980–х ощутивший иссякание концептуализма: «В пределах утвердившейся современной тотальной конвенциональности языков искусство обращения преимущественно к традиционно сложившемуся лирическо-исповедальному дискурсу и может быть названо “новой искренностью”»¹.

Дальнейшее развитие и атрибутирование этого нового для художественно-эстетического осознания и интерпретации концепта отягчено рядом проблем. Одна из них – отсутствие единого исследовательского пространства, в рамках которого происходила бы теоретизация «новой искренности». Осмысление ее началось вне и обособленно от постконцептуалистской проблематики. Обоснование и развитие «второй», независимой от Пригова, концепции связано с метамодернизмом – одной из самых популярных попыток рефлексии о ситуации постпостмодерна.

При изучении метамодернистского, то есть постпостмодернистского определения «новой искренности» мы обратились к работам Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, Л. Тёрнера, А. Жучковой, Л. Константину, В. Пустовой, Д. Бавильского, К. Медведева. Были выявлены противоречивая в трактовке «новой искренности»: одни воспринимали её «всерьёз», а возросшее внимание к ней – как усталость от постмодернистской иронии и попытку её преодоления; другие, скептически настроенные авторы, оценивали происходящее как смену дискурсивного инструментария на более эффективный.

¹ Словарь терминов московской концептуальной школы / под ред. В. Захарова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 64-65.

Среди исследователей, которые анализировали приговскую концепцию «новой искренности», можно назвать Э. Руттен, Д. Десятерика, А. Буренкова, Ю. Подлубнову, М. Липовецкого, Р. Эшельмана, К. Корчагина, А. Осокина, Д. Кузьмина, Е. Нечаеву, Д. Голышко-Вольфсона. Изучением творчества Д. А. Пригова в культурном контексте концептуализма и постмодернизма в целом занимались Б. Гройс, М. Ямпольский, И. Кукулин, М. Рыклин, Л. Силард, М. Саббатини, Д. Эдмонд, А. Житенев, Д. Барышникова, А. Раев, М. Эпштейн и др.

Исследователи пришли к выводу о том, что открытие категории «новой искренности» позволило Д. А. Пригову освоить недоступную ему прежде художественную стратегию «мерцательности». Д. А. Пригов мыслил её как преодоление концептуалистских стратегий в рамках постконцептуализма. Механизм «мерцания» начинает свою работу при подключении «новой искренности», позволяющей искреннее «влипание» в дискурс. Д. А. Пригов заявляет о «мерцательных» свойствах собственной поэзии.

Были выделены две основные проблемы, которые возникают при попытках определения концепта «новой искренности». Первая из них – сосуществование двух одноимённых концепций, происхождение и теоретизация которых происходит на разном материале и в рамках различных культурно-философских течений. Одна из них связана с теорией метамодернизма и является одной из самых популярных концепций для описания ситуации постпостмодернизма. Появление второй «новой искренности» связано с теоретической рефлексией Д. А. Пригова и её развертыванием в поэзии постконцептуалистов. В связи с этим возникает вторая проблема. Большинство исследователей не рассматривают самого поэта как причастного к движению постконцептуализма. Однако, как было выяснено, поэтика Д. Пригова после констатации исчерпанности концептуалистских стратегий видоизменялась в соответствии с

требованиями времени в рамках постконцептуализма и во многом ему соответствовала.

В качестве **объекта** нашего исследования были выбраны стихотворные циклы из сборника «Нередуцируемый опыт женщины» (1984–2003), в которых наглядно демонстрируется стратегия «мерцания».

Цель работы – анализ влияния «новой искренности» на постконцептуалистскую поэзию Д. А. Пригова.

Задачи работы:

- 1) проанализировать художественные средства реализации «мерцательных» стратегий и концепции «новой искренности» в стихотворных текстах Д.А. Пригова;
- 2) выявить разницу дискурсивных практик в периоды до и после провозглашения Д. А. Приговым «новой искренности»;
- 3) проследить эволюцию художественного метода Д. А. Пригова под влиянием «новой искренности»;
- 4) в диалоге с существующими исследовательскими концепциями определить собственные критерии «новой искренности».

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников, включающего 35 единиц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ РАБОТЫ

ГЛАВА I

«МЕРЦАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ» И «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» В РАННЕМ ЦИКЛЕ Д. А. ПРИГОВА «ЖИЗНЬ ЛЮБОВЬ ПОРУГАНЬЕ И ИСХОД ЖЕНЩИНЫ»

В предуведомлении к циклу «Жизнь Любовь Поруганье и Исход женщины» (1984) Д. А. Пригов избирает предметом рассмотрения такую частотную в традиционной поэзии жанровую разновидность, как стихотворения про женщину, и перечисляет сложившиеся в ней клише:

«предмет любви, почитания, яркой страсти и обладания», «особая женская нежность и мужество», «трансцендентная женственность», «Дева», «порождающая и плодообильная сила», но в то же время «сила тайная, змеиная, ведьмаческая»².

Лирический субъект первых стихотворений цикла представляет собой знакомого по ранней лирике Д. А. Пригова «двойника» поэта. Его речь характеризуется смешением разнородных пластов лексики, вторжением просторечий и окказионализмов, что приводит к разрушению эстетической ценности и формальной структуры текста.

Самым частотным образом в цикле является «красный мужик»: «И вот мужик выходит красный // И смотрит» (2, 206), «Живую деву подстерёг // Мужик огромный, мужик красный» (2, 208), «А глядь – пред ней мужик стоит // Весь красный и топор голубит // В руке» (2, 209). Его последовательное воплощение в ряде стихотворений позволяет назвать его структурообразующим.

В ходе развертывания этого образа конструируется новый, особенный субъект говорения. Он сохраняет свойства приговского «двойника», речевой образ которого дополняется риторикой мизогинии, неприязни и предубеждения к женщине: «Какая женщина не любит // И голову не жмёт к груди // Возлюбленного иль дити // А то дитю-то и загубит // Да с любовником бежит» (2, 209). Образ «красного мужика» в текстах середины сборника становится олицетворением угрозы, которую несёт деструктивное мышление сформированного субъекта.

В финальных стихотворениях цикла угрожающий красный цвет в образе мужика становится атрибутом тотального властного дискурса, советского мифа, чьим подрывом, как известно, и занимались

² Пригов, Д. А. Собр. Соч. В 5 т. Т. 4 / Д. А. Пригов. М.: НЛО, 2013. С. 205. В дальнейшем все тексты приводятся по этому источнику с указанием страницы в тексте автореферата.

концептуалисты. Насильственная природа отношений осмысляется как последствие влияния этого мифа на человека вообще.

Художественный метод Д. А. Пригова заключается в непрерывном и изобретательном венахождении относительно субъектов говорения. Он прибегает к использованию как уже испытанного в ранней своей поэзии «Я» двойника, так и создающихся в процессе текстопорождения дискурсивных масок. Д. А. Пригов сталкивает не просто разноплановые эстетические пласты, мнения и мироощущения, но и целостные дискурсы, проработанные, убедительно живые языковые и речевые конструкции. Множественность ситуаций и способов их пересечения создаёт особенный психологизм приговской поэзии этого периода и определяет художественное своеобразие каждого текста, чтобы затем эти тексты уже между собой создавали напряжение и новые контексты. Такой метод написания и формирования цикла мы называем «мерцательным».

Наблюдения за дискурсивной практикой в цикле заставляют говорить о его принадлежности к концептуалистскому периоду творчества поэта. Постконцептуалистское конструирование новых, зарождающихся в новом для культуры времени дискурсов не происходит.

ГЛАВА II

«НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» В «ЖЕНСКОМ» ТВОРЧЕСТВЕ

Д. А. ПРИГОВА ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

«Новая искренность» появляется в словаре поэта в 1986 г. и знаменует начало исследования освободившихся от влияния идеологической доминанты советского мифа дискурсивных практик. По этой причине мы не ограничиваем «постсоветский период» творчества Д. А. Пригова рамкой исторической эпохи, а руководствуемся идеологическим и эстетическим критериями ослабления концептуалистской «сосредоточенности» поэта на тоталитарном властном дискурсе.

«Женская лирика» появляется в 1989 г., когда «новая искренность» уже вполне освоена Д. А. Приговым. В сборнике происходит направленная ассимиляция женского голоса: каждый текст преподносится от лица женского «Я». При этом в предуведомлении подчёркивается сохранение поэтом своей субъективности, предупреждается о присутствии соответствующего независимого языка: «Оставаясь Приговым Дмитрием Александровичем, я вхожу в зону чистой лирики и становлюсь женским поэтом» (2, 212). В текстах цикла множественны мотивы насилия, убийства, смерти, трагической разлуки. Традиционные усечённые концовки стихотворений Д. А. Пригова, создающие комический эффект своей избыточностью и абсурдным вторжением чужеродного основному тексту дискурса, всё чаще звучат неким тревожащим усилением изображенного переживания или события: «Послушай милый // Всё равно ведь умирать» (2, 212), «И юную меня уводит // Куда-то» (2, 213).

Ритмическая организация стихотворений цикла кажется условно традиционной, о чём Д. А. Пригов пишет в предуведомлении: «Женская лирика и есть лирика по преимуществу» (2, 212). Автор утрирует унаследованную трагедийную интонацию текстов, их исполненность патетикой и чувственностью. Адресованные одновременно и жанровым условностям, и «женской душе как конструкту типа говорения», они и взаимоустраивают, и взаимоподкрепляют друг друга, преодолевая автоматизированное восприятие поэтических клише, имитирующих женское мировосприятие. Гипертрофированный трагизм, избыточная образность и метафоричность, религиозная символика, свойственные многим текстам сборника, оказываются зеркальным отражением социальной проблематики.

В отличие от текстов более раннего цикла, здесь Д. А. Пригов не прибегает к смене дискурсивных масок: единственной инстанцией порождения текстов является условный женский голос, способ формирования которого – «мерцательная» практика столкновения и смешения различных

эстетических и мировоззренческих систем, глобальных и локальных нарративов.

Д. А. Пригов формирует особый язык. За ним угадываются как распространённые черты корпуса русскоязычных текстов, которые можно назвать «женской лирикой», так и непосредственно идеологические и эстетические воззрения Пригова-концептуалиста.

Сам Д. А. Пригов всё ещё находится в позиции тотального внахождения относительно выявленных им риторических особенностей дискурса. «Новая искренность» в рассматриваемый период творчества поэта свидетельствует о начавшейся смене концептуалистской направленности на властный тотальный дискурс работой с новыми локальными дискурсами, возникающими на фоне угасающего советского мифа.

Субъект говорения цикла «Сверхженская лирика» (1988–1989) един, однако его «мерцательная» природа усложняется. Сконструированный ранее Д. А. Приговым субъект как будто самостоятельно предпринимает попытки реализации «мерцательных стратегий», хоть и в значительно меньшей степени и со значительно меньшим результатом, чем автор: «И вот я побежала-побежала // Но всё ещё как будто бы во сне // И будто я немислимый поэт-мужчина» (2, 226). Такого рода обособленность «женского» субъекта говорения от влияния автора свидетельствует о достижении Д. А. Приговым высокой степени «влипания» и, соответственно, «искренности» дискурсивных практик.

ГЛАВА III

«НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА

СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПОЗДНИХ ТЕКСТАХ СБОРНИКА

Д. А. ПРИГОВА «НЕРЕДУЦИРУЕМЫЙ ОПЫТ ЖЕНЩИНЫ»

В статье «Пригов и Батай: эстетика системной растраты» М. Липовецкий отмечает наметившийся во второй половине 1990-х годов поворот поэта от «растраты» тоталитарных дискурсов к «онтологизации

растраты»³. Под «дискурсивной растратой» понимается характерная еще для раннего творчества Д. А. Пригова концептуалистская деконструкция символов и риторик авторитетного дискурса для освобождения от его влияния. «Онтологизация растраты» – это операция помещения описанной стратегии в центр художественной системы, т.е. превращение из способа в самоцель. При этом Д. А. Пригов «неизменно проблематизирует любую попытку придать дискурсивной практике (даже своей собственной) онтологический статус»⁴. Это означает, что он так или иначе подавляет, не даёт возможности утвердиться любим, в том числе и порождаемым им самим дискурсам. Достигается это в ряду других и «мерцательными практиками».

Цикл «Нередуцируемый опыт женщины» представляет собой непривычный на фоне более раннего творчества Д. А. Пригова набор формально прозаических текстов. В предуведомлении автор пишет: «Этот сборник – сборник усталости. Усталости стиха, традиции, которые сколь ни утверждай, действительно – устали» (2, 255).

Процесс формирования «женского» дискурса, который наблюдался в рассмотренных ранее циклах, в определённом смысле прерывается, поскольку автор обнажает и подрывает приёмы, лежащие в основе этого процесса. Д. А. Пригов выходит за пределы дискурсивной маски женщины и «женского» поэта, подчёркивая всю условность и ограниченность её претворения и свою от неё дистанцию.

Д. А. Пригов фиксирует сконструированный им самим женский дискурс в высшей точке его самодостаточного, цельного проявления, чтобы затем «растратить» его. Индивидуальный субъект говорения, транслировавший в определённой степени аутентично-уникальный опыт, в конце концов всё равно оказывается соткан из элементов «чужих» слов и форм.

³ Липовецкий, М. Пригов и Батай: эстетика системной растраты / М. Липовецкий // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов. Сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис. М.: НЛО, 2010. С. 332.

⁴ Там же. С. 332.

Цикл «Она в смысле они» (2003) полностью состоит из текстов, «высвечивающих» собственную субъективность Д. А. Пригова в отношении к сконструированному им женскому субъекту. Подчиняясь «мерцательной» логике, он обозначает дистанцию, опосредованность этих отношений взглядом «нарцисстического, все обливающего как бы неким мраморным молоком непричастности» (2, 269) мужского субъекта.

Сводя друг с другом два дискурса – сконструированный женский и «мерцающий» на его фоне собственный, Д. А. Пригов с самоироничным смирением принимает невозможность полноценного оформления последнего. Автор настойчиво предпринимает попытки артикулировать собственную субъективность и вместе с тем подавляет свои амбиции путём утверждения «другого» – женского субъекта. Он «искренен» в том смысле, что не отказывается от этих попыток, влекомый постконцептуалистским стремлением к формированию единого психологически субъекта говорения, совпадающего с реальным автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие поэтики Д. А. Пригова представляет собой весьма последовательное эволюционное движение. Это связано как с чрезвычайной рефлексивностью поэта, так и с его гиперпроизводительным текстопорождением, не позволяющим появиться разрывам между разными периодами творчества.

В первый из рассмотренных периодов, когда Д. А. Приговым ещё не был открыт феномен «новой искренности», дискурсивные практики в его текстах находились под сильным влиянием концептуализма. На примере цикла «Жизнь Любовь Поруганье и Исход женщины» было обнаружено, что автор в рамках дискурсивных практик сосредоточен на конструировании и главным образом деконструкции дискурса «традиционной, романтико-модерновой» русской поэзии, корпус которой в значительной степени состоит из «стихотворений о женщине». Авторская фигура при этом

находится вне текстового пространства; внутри него она подменена известным приговским «двойником». Среди проблематики, характеризующей тексты этого цикла, выделяется утверждение насильственной природы гендерных отношений.

В рамках второго периода творчества Д. А. Пригова, связанного с появлением в его словаре термина «новая искренность», были рассмотрены циклы «Женская лирика» и «Сверхженская лирика». В отличие от ранних текстов, в них происходит направленная ассимиляция женского голоса. Тексты цикла оказываются освобождены от концептуалистской направленности на тотальный властный дискурс; вместо его деконструкции происходит «мерцательное» порождение женского дискурса с подключением техники «влипания-невлипания», то есть допустимости кратковременного «искренного» проникновения в риторический код дискурса. Однако всё ещё оставаясь вневходимым относительно субъекта говорения текстов этих циклов, Д. А. Пригов взамен концептуалистской проблематики влияния авторитетного дискурса, начинает вырабатывать свою персональную, формирующуюся на основе усвоенной психосоматики сконструированного женского дискурса и отчасти своей собственной.

Третий период творчества Д. А. Пригова связан с поисками собственной субъективности. В текстах циклов «Нередуцируемый опыт женщины», «Герой и красавица», «Она в смысле они» степень многообразия и избыточности дискурсивных практик значительно снижается. Вместе с тем обнаруживает себя «онтологизация растраты». Содержательно она выражена в непрекращающемся потоке сцен насилия и смерти, подчиняющем себе риторику и психологическое движение всякого дискурса и «растрачивающем» его. Именно это происходит в цикле «Нередуцируемый опыт женщины» с предельно «искренним» в каждый отдельный момент женским субъектом говорения. Д. А. Пригов, следуя логике этой онтологизации, возвращается к мотиву невозможности оформления

субъективности: для этого он обращается не только к индивидуальному опыту, но и к телесности – второй конвенциональной основе субъективности. При этом фигура Д. А. Пригова как непосредственного дискурсивными масками автора начинает проступать в текстах циклов. Таково постконцептуалистское стремление к обнаружению психологически единого субъекта говорения, совпадающего с реальным автором. В случае с Д. А. Приговым эти амбиции притупляются его пониманием «невозможности создания некоего аутентично-уникального дискурса»⁵. «Мерцательность» вновь возникает в точке «несовпадения» интересов, а «новая искренность» достигает своего апогея за счёт предельно критичного отношения к возможностям автора и языка.

Дмитрий Александрович Пригов до самого конца оставался на острие актуальных культурных и художественных тенденций. Постконцептуалистские особенности субъекта говорения определённо присутствуют в его поздних текстах, а свойства поэзии так называемой «новейшей искренности» органично усваиваются поэтом гораздо раньше в рамках собственной концепции «новой искренности».

⁵ Липовецкий, М. Практическая монадология Пригова / М. Липовецкий // Пригов, Д. А. Собр. соч. В 5 т. Т. 4 / Д. А. Пригов. М.: НЛО, 2013. С. 38.